30 октября

№ 24 2002

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

В конце мая в Москве в «Мемориале» прошел семинар, посвященный проблемам создания Единой электронной Книги памяти жертв политических репрессий. В работе семинара участвовали представители разных общественных и государственных структур из 14 регионов России. Перед собравшимися выступила начальник отдела реабилитации Генеральной прокуратуры Г.Ф.Весновская (см. фото вверху слева) Она рассказала о работе прокуратуры в связи с процессом пересмотра дел (читайте об этом в № 26 бюллетеня «Мемориал»), а также о том, как исполняется Закон о реабилитации жертв политических репрессий в части предоставления льгот. Предлагаем вниманию читателей фрагмент ее выступления, посвященный этой теме.

ЗАКОН ДОЛЖЕН ИСПОЛНЯТЬСЯ

На органы прокуратуры (в том числе и на наше подразделение) возложен надзор за исполнением закона в других ведомствах, в частности в ФСБ, в органах социальной защиты, в МВД, в Министерстве финансов. Прокурорские проверки, которые проводятся в органах социальной защиты, в комиссиях по восстановлению прав, выявляют многочисленные нарушения прав жертв политических репрессий. Какова здесь роль прокурора? Не только проверить и выявить, но и принять меры к восстановлению нарушенных прав граждан мерами прокурорского реагирования или обсуждения на заседании, или внесения представления, или протеста в случае незаконного принятия решения.

У нас крайне сложная обстановка с исполнением закона по предоставлению льгот сложилась в 1998–1999 годах, когда, имея большую задолженность по этой статье бюджета, государство не только не приняло меры к возмещению недостающей суммы, но на заседании Госдумы по инициативе ЛДПР эта статья расходов была сокращена. В тот период у нас практически были приостановлены выплаты компенсаций за незаконно изъятое имущество, практически перестали предоставлять льготы. Поступающая информация с мест позволила работникам нашего отдела провести проверку в Министерстве финансов, разобраться в причинах такого положения. Результаты этой проверки были заслушаны на оперативном совещании у заместителя генерального прокурора. Оперативное совещание вынесло жесткое решение, обязало Министерство финансов принять исчерпывающие меры не только для определения реальной суммы для финансирования, но и восполнить все, что было недодано этой категории граждан. Прокурорам на места было направлено указание: в случае длительного неисполнения закона в части предоставления льгот и возмещения ущерба за незаконно конфискованное имущество прокурорам предлагалось самим заявлять иски в суде в интересах этой категории граждан. За этот период было предъявлено исков в суд более чем на 10 миллионов рублей. Все эти иски судами были удовлетворены. Такую позицию заняла Генеральная прокуратура, региональные прокуратуры ее поддержали.

Нам пришлось принимать активное участие в формировании статьи бюджета на 2000-й год, в том числе мы участвовали в работе Государственной Думы. Удалось заложить в бюджет более или менее реальную сумму. Теперь эта работа по формированию статьи бюджета для нужд реабилитированных находится под постоянным контролем Генеральной прокуратуры. Мы сейчас работаем в достаточно тесном контакте с министерством финансов.

Несмотря на меры, принимаемые органами прокуратуры, в настоящие время при исполнении закона существуют очень серьезные проблемы. В течение двух лет приостановлено предоставление гражданам ряда льгот: получение беспроцентных ссуд в сельской местности на строительство жилья и бесплатное обеспечение автомашинами этой категории граждан при наличии медицинских показаний. Мы считаем, что нарушаются права граждан, и поэтому предлагаем Александру Николаевичу Яковлеву доложить об этом президенту. Генеральный прокурор не имеет права законодательной инициативы и права обращения в Конституционный суд, но в случае нарушения конституционных прав граждан обращение в Конституционный суд могут инициировать и сами жертвы политических репрессий.

На сегодняшний день крайне сложно обстоит дело с предоставлением льгот в регионах. Мы сделали такое обобщение и направили представление в Министерство социальной защиты населения. Но этого оказалось недостаточно, обстановка практически не изменилась. Сейчас направлена информация заместителю председателя правительства Российской Федерации Валентине Ивановне Матвиенко об ущемлении прав жертв политических репрессий на получение льгот в полном объеме. Я остановлюсь на тех аспектах, которые мы считаем важными. Это в первую очередь касается предоставления льгот на проезд – один раз в год. Постоянные встречи с жертвами репрессий свидетельствуют о том, что это малоимущая категория населения, а повышение тарифов на проезд делают для них эти льготы практически недоступными. Почему? Потому что прежде, чем получить эту льготу, они должны заплатить свои деньги и только по предоставлении проездных билетов через неопределенное время получить компенсацию расходов. Мы считаем, что в данном случае права этой категории граждан ущемлены, и рекомендуем в правительственное постановление внести другой порядок, как для инвалидов Великой Отечественной войны. Это основная проблема, которая у нас сегодня существует.

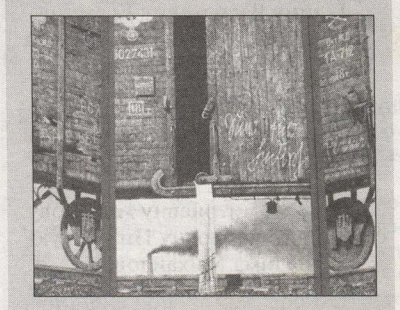
Теперь вопрос об установке телефона. Сейчас в стране изменилась обстановка: если раньше государство владело решением этой проблемы, то сейчас в основном она в руках частных компаний, которые считают необязательным исполнение этой нормы закона. Поэтому мы предлагаем в это положение внести некоторое изменение. Каким образом? Мы предлагаем установить такой порядок финансирования, при котором бремя расходов на предоставляемые на льготных основаниях услуги несли бы не сами граждане, а обслуживающие их предприятия и организации с последующим возмещением произведенных ими затрат из бюджетных средств. Допустим, в частную телефонную станцию обращается гражданин, она устанавливает телефон в соответствии с законом, но счет предъявляет не гражданину, а в органы социальной защиты, которые обязаны обеспечить действие этой льготы. Это будет правильно и реально.

Аналогичная проблема по расходам, связанным с погребением реабилитированных. Здесь тоже предлагается, чтобы служба, которая занимается погребением, оформляла на установленную правительственным постановлением сумму счет органам социальной защиты.

Комиссия по реабилитации Калининградской области обратилась с предложением решить их проблему по проезду по территории Российской Федерации. Жители Калининградской области при реализации этой льготы получают компенсацию частично. Проезд по территории Прибалтийских государств в оплату не входит, а у них другого пути нет. Граждане не виноваты, что оказались в таком положении, поэтому мы предлагаем, как исключение, Калининградскую область внести в правительственное постановление, чтобы эта часть расходов финансировалась за счет государства, как инвалидам войны. Здесь мы указываем, что все эти проблемы законом отрегулированы.

продолжение на с. 4

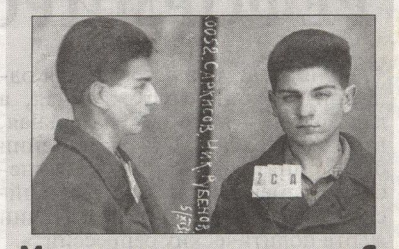
В НОМЕРЕ:



В мире двух диктатур. Россия и Германия в XX веке с. 4

Приближается столетие КВЖД с. 5

Гибель «Прометея» с. 5



Меч опускается с. 6

Художник и время с. 7

ТЕХНОЛОГИЯ РЕПРЕССИЙ В ДОКУМЕНТАХ

В предыдущих номерах газеты уже шла речь об Ульяновской Книге памяти – одной из лучших в России. Сейчас мы предлагаем вниманию читателей прозвучавший на том же семинаре рассказ одного из ее составителей о трудностях, с которыми пришлось столкнуться Ульяновской прокуратуре при подготовке этого издания.

Идея издания Книги памяти возникла в связи с тем, что более восьми с половиной тысяч дел, хранящихся в архивах ФСБ, были пересмотрены в короткий срок, и встал вопрос: что дальше делать? Положить их обратно на полки и забыть? Прокурор области (тогда им был Ю.М.Золотов, сейчас он заместитель Генерального прокурора РФ) решил иначе: сделать Книгу памяти и разослать ее безвозмездно во все учебные заведения (школы, техникумы, институты, военные училища), в администрации районов, во все районные прокуратуры.

Это был 1995 год, компьютеров у нас не было, мы брали обычный листок, складывали его пополам, из материалов уголовного дела выписывали фамилию, имя, отчество, год рождения, социальное положение, по каким статьям, кем был осужден, когда реабилитирован. Может быть, этих сведений недостаточно, но спросить совета нам было не у кого. Сначала эти карточки мы раскладывали по районам, поскольку решили делать списки именно по районам. Потом уже внутри района раскладывали по алфавиту, далее секретарь-машинистка все это печатала, в таком виде это было передано в Ульяновский дом печати, сотрудники которого и занимались оформлением Книги памяти. По мнению прокурора области, эта книга – своего рода покаяние работников нашей прокуратуры перед всеми жертвами политических репрессий, поскольку прокуратура была втянута в эти процессы и имела к ним самое непосредственное отношение.

После выхода первого тома (в него вошли сведения более чем на 11 тысяч человек) мы решили проверить, не пропустили ли кого-нибудь случайно или в связи с тем, что многие дела были на пересмотре в военной прокуратуре. Мы поручили сотрудникам ФСБ проверить по картотеке и, получив от них данные, перепроверили их. Так было выявлено еще 2700 имен.

Остро встал вопрос, что делать с теми, кто был репрессирован в административном порядке, кого реабилитировали органы внутренних дел. Мы решили объединить усилия и списки так называемых раскулаченных тоже опубликовать в Книге памяти. Все эти списки раскулаченных тоже сгруппированы по районам. Кстати сказать, публикация списков по районам оказалась оправданной. Мы попросили опять же через районных прокуроров, через глав районных администраций опубликовать эти списки в сельских газетах. Это более доступная форма для сельского населения. Газета там дешевая, практически все ее выписывают. Именно оттуда они получают сведения о том, что их родственники реабилитированы.

В процессе подготовки второго тома мы коснулись вопроса советских немцев, которые из всех регионов (не только России, но и Советского Союза) были в свое время выселены в Сибирь, Казахстан, впоследствии мобилизованы в так называемую трудармию. У нас на территории области было четыре спецпоселения, где жили высланные немцы. Естественно, в УВД мы подняли весь этот архив, в наличии там оказалось около 700 реальных дел спецпоселенцев, все эти дела мы запросили. Еще около полутора тысяч имен – это данные, которые были получены только из карточек спецпоселенцев.

Продолжение на с. 3

Спрашивайте «30 октября» в отделениях «МЕМОРИАЛА» в городах: Абакан (Хакасия), Абезь (Коми), Апатиты (Мурманская обл.), Астрахань, с. Бабстово (Хабаровский край), Бийск (Алтайский край), Братск (Иркутская обл.),

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
Мы от души поздравляем членов нашего Объединения, чьи юбилеи приходятся на июнь 2002 года!

С 95-летием

Анну Ивановну Гаврилову
Анну Ивановну Смирнову

С 90-летием

Галину Васильевну Еремину
Петра Иосифовича Панферова
Надежду Евгеньевну Плотникову
Михаила Иосифовича Тамарина

С 85-летием

Марию Дмитриевну Ончакову
Анну Михайловну Питерскую
Вадима Михайловича Свечникова

С 80-летием

Игоря Николаевича Артеменко
Веру Ивановну Белецкую
Генофеву Михайловну Бублик
Серафиму Владимировну Веселову
Евгения Михайловича Войтенкова
Здиславу Богдановну Вольскую
Конкордию Васильевну Всесвятскую
Светлану Вениаминовну Гомбарг-Полтеву
Надежду Федоровну Горохову
Марию Семеновну Денисову
Юлию Ивановну Ефимову
Ольгу Федоровну Зайцеву
Ию Германовну Заксиову
Елену Ильиничну Казарян
Ирену Николаевну Клипст
Ираиду Федоровну Королеву
Нину Николаевну Левушкину
Надежду Васильевну Михайлову
Тамару Андреевну Моисееву
Платона Иосифовича Набокова

Вночь с 29 на 30 мая 2002 года неизвестные вандалы исписали краской панно с портретом академика Андрея Сахарова на стене выставочного павильона в сквере у Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова в Москве.

Это панно появилось в день рождения академика – 21 мая 2000 года, оно представляет собой авторскую копию росписи Берлинской стены с большим (примерно 3х7 метров) портретом Андрея Дмитриевича и надписью на немецком языке: «Сахаров, спасибо». Автор панно – художник Дмитрий Врубель.

Панно провисело два года, хотя сотрудники музея опасались за его сохранность. И вот нашелся... умник.

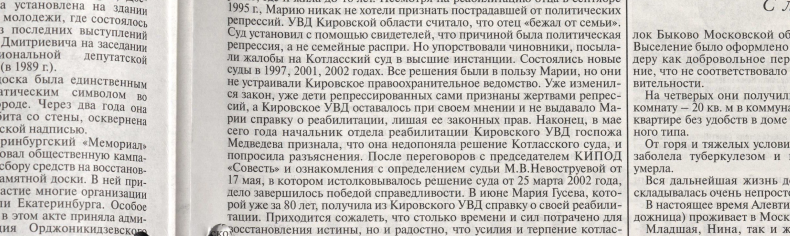
Поражает не столько факт вандализма (к сожалению, далеко не первый в нашем городе), сколько содержание надписей, сделанных струей едкой краски из баллончика. У фамилии Сахарова появилось окончание «ич» и надпись: «Голова профессора Дуэля». Написав слово из трех букв, злоумышленник (видимо, что-то все-таки «стукнуло по темечку») сам же и закрасил. В интервью газете «Известия» директор Музея и общественного центра имени Андрея Сахарова Юрий Самодуров заметил: «Вандал, судя по всему, знаком с литературой, раз он изобразил название произведения, которое даже не стоит в современной школьной программе. К тому же это первый на моей памяти случай осквернения памятника, когда хулиган сам же уничтожил свою матерную надпись. Вряд ли это был одиночка из числа фашистов. Очевидно, люди, заказавшие этот акт, не хотели перегибать палку. Впрочем, все это лишь мои догадки».

Может быть, кому-то не нравится вообще фасад Сахаровского центра, на котором висит плакат с надписью: «С 1994 года идет война в Чечне. Хватит!», и большие фотографии, вывешенные на окнах и фасаде Центра по случаю выставки фоторабот о чеченской войне.

Разбитая мемориальная доска на здании Дворца молодежи в Екатеринбурге. Фото К.Миронова

В № 13 газеты мы рассказали об осквернении памятника жертвам политических репрессий в Туле. К сожалению, факты такого рода повторяются...

ВАНДАЛИЗМ С ПОЛИТИЧЕСКИМ ЛИЦОМ, ИЛИ ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА



Испорченное надписью и рисунком панно с портретом Андрея Сахарова на выставочном павильона Музея и общественного центра его имени (Москва). Фото из архива Центра

30 мая был совершен акт вандализма. В тот же день панно было накрыто тканью. Как сообщил Юрий Самодуров, от Дмитрия Врубеля получено согласие на проведение реставрационных работ.

Подобный факт вандализма по отношению к памяти Андрея Сахарова не единичен.

Так, в июле 1994 года в Екатеринбурге была разбита мраморная мятная доска с изображением Сахарова, установленная «Мемориалом» 30 июля 1992 года по инициативе и на средства активиста Демократического движения Юрия Лебедева (уже после его смерти). Доска была установлена на здании Дворца молодежи, где состоялось одно из последних выступлений Андрея Дмитриевича на заседании межрегиональной депутатской группы (в 1989 г.).

Эта доска была единственным демократическим символом во всем городе. Через два года она была сбита со стены, осквернена хулиганской надписью.

Екатеринбургский «Мемориал» организовал общественную кампанию по сбору средств на восстановление памятной доски. В ней приняли участие многие организации и жители Екатеринбурга. Особое участие в этом акте приняла администрация Орджоникидзевского района, которая, впервые за всю историю Екатеринбургского «Мемориала», – выделила миллион рублей (тогда, в 1994 году, это были большие деньги). Доска была восстановлена при содействии завода «Бетфор» (завод бетонных форм. – *Примеч. ред.*) – рабочие этого завода бесплатно смонтировали ее на здании дворца. Огромную помощь оказал и Сибирский гранитный карьер, предоставив материал и восстановив надпись.

В 1995 году 21 мая, в день рождения Андрея Дмитриевича Сахарова, доска была установлена на прежнее место.

Алексей ЕГОРОВ,
Анна ПАСТУХОВА
Москва–Екатеринбург

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНА О РЕАБИЛИТАЦИИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

7 июня 2002 года встреча, для одной стороны долгожданная, а для другой – явно нежелательная, все же состоялась. В первом чтении был принят законопроект «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий"».

Выдержка из стенограммы:

«Результаты голосования (13 час. 59 мин. 55 сек.):
Проголосовало "за" 294 чел. 65,3%
Проголосовало "против" 7 чел. 1,6%
Воздержалось 0 чел. 0,0%
Голосовало 301 чел.
Не голосовало 149 чел.
Результат: принято».

По инициативе нескольких сочувствующих нам депутатов вопрос о внесении поправок и дополнений в закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» включался с конца прошлого года в повестку дня думских заседаний уже семь раз. И каждый раз до наших с вами, дорогие читатели газеты «30 октября», интересов дело не дохо-дило: выступления, дискуссии, дебаты касались других, гораздо более важных, по мнению думского большинства, проблем. Чтение же наших законопроектов каждый раз переносилось на следующее заседание. Автор этих строк неоднократно испытывал сомнительное удовольствие наблюдать с гостевой галерки зала думских заседаний, как горячо и увлеченно обсуждают народные избранники важные вопросы, например о размещении в СМИ рекламы отечественного и импортного пива. Слушаю и жду, а вдруг сегодня все же доберутся до нашего пункта повестки дня. И каждый раз ухожу с досадой: опять время потерял.

Но вот, наконец, свершилось. Напомню, что сейчас по думским комитетам «ходят» два наших законопроекта: один – депутатов В.Н.Лысенко и В.В.Похмелкина, другой – В.А.Аверченко, заместителя председателя Госдумы (группа «Народный депутат»). Проект Лысенко–Похмелкина, в котором учтен целый ряд предложений «Мемориала», предусматривает внесение изменений и дополнений во многие статьи закона. Расширяется круг людей, признающихся реабилитированными, понятие «территория Российской Федерации» дополняется словами «существовавшая на момент применения репрессий», устанавливаются приемлемые сроки подачи, а также рассмотрения заявлений – о компенсациях, возврате имущества и др. В Закон вводится статья 20, содержащая подробное определение некоторых терминов и понятий Закона с целью исключить неоднозначное его истолкование. Впервые эта статья была предложена в 2000 году в законопроекте В.В.Игрунова и Ю.А.Рыбакова, который был полностью отвергнут Госдумой (см. статью «"Подарок" Государственной Думы жертвам политических репрессий к 30 октября 2000 года» в газете «30 октября» № 10, 2000).

Законопроект Аверченко более краток. Он предусматривает, в соответствии с известным определением Конституционного суда, признание реабилитированными детей, оставшихся в несовершеннолетнем возрасте без попечения обоих или одного из родителей, необоснованно репрессированных по политическим мотивам. При этом слова «обоих или одного родителей» дополняются словами «или лиц, их заменявших». Кроме того, подлежащими реабилитации признаются дети лиц, расстрелянных или умерших в местах лишения свободы и реабилитированных посмертно (сейчас эти люди признаются пострадавшими). Введен также аналогичный проекту Лысенко–Похмелкина пункт о сроках подачи и рассмотрения различных заявлений.

В прошлом, 2001 году на оба законопроекта были получены отрицательные заключения как правительства РФ, так и некоторых думских комитетов. Причина одна – нет средств на реализацию заложенных в проекте нововведений. В такой ситуации авторы либо вообще отказываются от продвижения своего проекта, либо пытаются внести его на последующие заседания в неизмененном виде. В обоих случаях результат один и тот же – нулевой. Но есть еще один вариант действий – «ход конем». Количество поправок и дополнений минимизируется до такой степени, что проект становится «финансово проходимым», и при всей к нему неприязни пусть и вынужденно, но принимается Госдумой в первом чтении. А ко второму чтению в проект добавляют еще две-три поправки, вероятность принятия которых в подобных случаях, как показывает опыт думской работы, достаточно велика. Через год аналогичная процедура повторяется, и так далее. Конечно, ничего нет хорошего в том, что введение в закон многочисленных предложений, собранных «Мемориалом» во многих российских регионах, растягивается на годы. Новый закон нужен людям сейчас, а не потом, когда для кого-то будет уже поздно. Но вот такая она, избранная нами Дума, что с ней поделаешь?

По этому пути и пошел В.А.Аверченко. Из его законопроекта были исключены все поправки, кроме одной: о реабилитации детей, оставшихся в несовершеннолетнем возрасте... и т.д. (т.е. определение КС РФ). Исчезли даже упоминутые выше слова о лицах, заменявших родителей. Кроме того, к этому законопроекту для гарантии его прохождения присоединились в качестве соавторов еще четыре депутата: В.Н.Лысенко, П.А.Медведев, В.В.Похмелкин, В.В.Рязанский.

Возвращаемся к заседанию Госдумы 7 июня. В.А.Аверченко в своем докладе долго и обстоятельно убеждал депутатов внести в закон «О реабилитации жертв политических репрессий» Определение Конституционного суда Российской Федерации от 18 апреля 2000 года (практически уже реализованное во всех российских регионах). Затем слово взял В.Н.Лысенко. Напомнив депутатам, что он является членом общества «Мемориал», Владимир Николаевич попытался обратить их внимание на явную недостаточность введения в закон лишь одной предлагаемой поправки. По его мнению, было бы справедливо учесть также и людей, чьи родители были расстреляны или погибли в лагерях, когда их детям уже исполнилось 18 лет.

Отвечая на претензии правительства по поводу непомерно больших затрат, он сказал следующее: «Приведу пример. Мы каждый год запрашиваем в Минтруде сведения о количестве этих людей, о которых как раз в этом законе идет речь. Если в феврале 2001 года нам прислали данные на 770 тысяч жертв политических репрессий, из них 460 тысяч – реабилитированные и 310 тысяч – лица, пострадавшие от политических репрессий, то уже в феврале этого года нам прислали данные на 600 тысяч человек. То есть фактически за год на 170 тысяч человек сократилось число лиц - жертв политических репрессий. Вы понимаете, даже если они не были несовершеннолетними, но если у них отца арестовали и расстреляли, то судьба их, конечно же, была такой же печальной, как и тех, кто был несовершеннолетним. Им сегодня нужны не столько льготы, они, я думаю, никуда уже не ездят и в дальние поездки по стране не собираются, им нужно признание. И очень важно, чтобы в конце жизни они почувствовали, что государство все-таки по достоинству оценило их страдания. Поэтому мы просим ко второму чтению поддержать нашу поправку вот по этой очень незначительной, но важной группе репрессированных».

Учитывая позицию думского большинства, о которой говорилось в этой статье, В.Н.Лысенко объявил о снятии с рассмотрения альтернативного законопроекта (проекта Лысенко–Похмелкина) и призвал депутатов проголосовать за принятие в первом чтении представленного проекта пяти авторов.

Ну что ж? Первый этап «пробивания» законопроекта завершился успешно. Подготовлены и переданы в Госдуму предложения Комиссии по реформированию законодательства о правах жертв политических репрессий Правления Российского общества «Мемориал» (члены комиссии В.И.Битюцкий и В.А.Кучериненко) ко второму чтению законопроекта (авторы В.А.Аверченко, В.Н.Лысенко, П.А.Медведев, В.В.Похмелкин, В.В.Рязанский). В предложениях содержатся различные варианты поправок и дополнений к статьям закона. Второе чтение законопроекта состоится осенью этого года. Думаю, что в обсуждении вопроса, какие именно поправки будут внесены в проект (их, как вы помните, должно быть совсем немного), примут участие представители «Мемориала».

Виктор КУЧЕРИНЕНКО

Мы победили!

Это дело было начато в 1995 году, а завершилось только теперь. История крестьянской семьи из соседней Кировской области была рассказана в «Двинской правде» в статье «Тяжкий крест с детства» в номере за 3 ноября 1995 г. Отец Марии Михайловны Гусевой был раскулачен в апреле 1931 г. Из архивного документа: «Раскулачен за систематическое закабаление бедноты. Имел 3 коровы, 2 телки, 1 лошадь, 5 овец, дом – 3 комнаты, амбар, коровник, пашни 5 десятин, сенокосы. Скрылся неизвестно куда». Когда отобрали дом и имущество, лишив семью средств существования, отец бежал, чтобы не попасть в ссылку. Мать вскоре покинула за ним, а малолетняя Мария осталась на попечении бабушки в деревне, где и жила до 16 лет. Несмотря на реабилитацию отца в сентябре 1995 г., Марию никак не хотели признать пострадавшей от политических репрессий. УВД Кировской области считало, что отец «бежал от семьи». Суд установил с помощью свидетелей, что причиной была политическая репрессия, а не семейные распри. Но упорствовали чиновники, посылали жалобы на Котласский суд в высшие инстанции. Состоялись новые суды в 1997, 2001, 2002 годах. Все решения были в пользу Марии, но они не устраивали Кировское правоохранительное ведомство. Уже изменился закон, уже дети репрессированных сами признаны жертвами репрессий, а Кировское УВД оставалось при своем мнении и не выдавало Марии справку о реабилитации, лишая ее законных прав. Наконец, в мае сего года начальник отдела реабилитации Кировского УВД госпожа Медведева признала, что она недопоняла решение Котласского суда, и попросила разъяснения. После переговоров с председателем КИПОД «Совесть» и ознакомления с определением судьи М.В.Невоструевой от 17 мая, в котором истолковывалось решение суда от 25 марта 2002 года, дело завершилось победой справедливости. В июне Мария Гусева, которой уже за 80 лет, получила из Кировского УВД справку о своей реабилитации. Приходится сожалеть, что столько времени и сил потрачено для восстановления истины, но и радостно, что усилия и терпение котласских судей, общества «Совесть», самой заявительницы и ее дочери принесли победу.

Еще раз хочу напомнить, что необходимо каждому отстаивать свои права законным порядком. А общественные организации могут оказать вам в этом ощутимую помощь.

Ирина ДУБРОВИНА,
председатель Котласского городского историко-просветительского движения «Совесть»

КОНКУРС ПРОЕКТОВ ПАМЯТНИКА ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ НА СОЛОВКАХ

В День политзаключенного 30 октября 2001 года состоялось событие, которое имеет свое продолжение сегодня: общество «Друзья Соловков» обратилось в общественные организации Москвы с просьбой о помощи в благоустройстве памятника первым узникам ГУЛАГа – заключенным лагеря на Соловецких островах.

Региональный общественный фонд развития образования, науки и искусства в рамках благотворительной программы «Молодые таланты Москвы» организовал и финансировал проведение конкурса среди творческих вузов Москвы.

Благотворительный фонд «Попечитель», давний друг «Мемориала», поддержал эту инициативу.

На конкурс представлены 50 работ (рисунки, макеты несколько скульптур), выполненных студентами Академии живописи, ваяния и зодчества, возглавляемой И.С.Глазуновым.

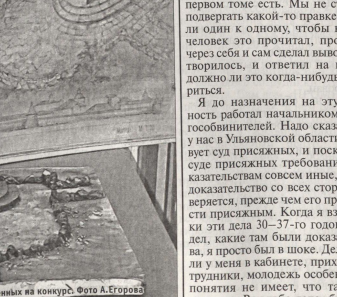
В жюри конкурса вошли представители Соловецкого Государственного музея-заповедника, мэрии Москвы, фонда «Развитие» и фонда «Попечитель», а также представители общества «Мемориал».

Кроме главных премий, которые авторы лучших работ получат от фонда «Развитие», им будут вручены поощрительные и специальные призы — от фонда «Попечитель» и общества «Мемориал».

Три лучшие работы будут отправлены на Соловки, где 6 августа 2002 года состоится окончательный выбор проекта, который увековечит святую память о жертвах политических репрессий.

Посетителям выставки будет предложена анкета, в которой надо указать номер понравившегося проекта (фамилии авторов проектов не указываются) и присвоить ему одно из трех призовых мест.

9 июля в 14.00 в помещении «Мемориала» состоится подведение итогов и награждение лауреатов конкурса. Подробно об этих событиях мы расскажем в следующем номере газеты.



Один из проектов (макет и эскиз), представленных на конкурс. Фото А.Егорова

ПРОДОЛЖАЯ «ЖИЛИЩНУЮ» ТЕМУ

Случай из практики

К нам в Юридическую группу «Мемориала» обратилась Алевтина Владимировна Варварова. До ареста отца их семья проживала в Москве в четырехкомнатной квартире со всеми удобствами.

После ареста отца в июле 1938 года семья Курочкиных в составе четырех человек: матери и трех ее несовершеннолетних дочерей – Татьяны, Алевтины и Нины – была принудительно выселена в поселок Быково Московской области. Выселение было оформлено по ордеру как добровольное переселение, что не соответствовало действительности.

На четверых они получили одну комнату – 20 кв. м в коммунальной квартире без удобств в доме барачного типа.

От горя и тяжелых условий жизни заболела туберкулезом и вскоре умерла.

Вся дальнейшая жизнь девочек складывалась очень непросто.

В настоящее время Алевтина (художница) проживает в Москве.

Младшая, Нина, так и живет в области. Сейчас она тяжело больна, и Алевтине, тоже пожилой и больной, приходится ездить к сестре в область, чтобы ухаживать за ней. Конечно, Нине хотелось бы переселиться поближе к сестре.

По этому вопросу Алевтина и обратилась к нам, в Юридическую группу «Мемориала».

В соответствии со ст. 13 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года № 1761-1 признается право реабилитированных лиц, утративших жилые помещения в связи с репрессиями, возвращаться для проживания туда, где они проживали до применения к ним репрессий. В случае возвращения на прежнее место жительства реабилитированные лица и члены их семьи имеют право на первоочередное получение жилья.

Алевтина Владимировна обратилась в Управление муниципального жилья Центрального административного округа «Басманное» (в Москве) с заявлением о постановке сестры Нины на первоочередной учет для получения жилья по месту ее проживания в Москве до применения к семье репрессии и получила отказ в связи с отсутствием сведений о выселении, несмотря на имеющиеся документы подтверждения: архивную справку, письменное свидетельство соседей, заверенное главным инженером ЖЭК.

Мы взяли документы на юридическую экспертизу. После оценки имеющихся материалов проконсультировали Алевтину Владимировну, как ей действовать, составили заявление в суд об установлении факта принудительного выселения семьи в 1938 году из Москвы в связи с политическими репрессиями.

В данном случае нашей посетительнице повезло – нашлись свидетели как принудительного выселения (соседи по московской квартире), так и вселения в барак (соседи).

27 мая 2002 года состоялся суд. Ивантеевским городским судом Московской области (по месту жительства Нины Владимировны) установлен факт принудительного выселения, связанного с репрессиями родственников Курочкиной Нины Владимировны и Варваровой (Курочкиной) Алевтины Владимировны.

Решение это далось непросто, потребовалось более полугода, чтобы найти свидетелей и доказать факт репрессий в суде. Однако с юридической точки зрения этот процесс прошел достаточно быстро и успешно.

И хотя им еще предстоит преодолеть бюрократические барьеры московской администрации, мы желаем сестрам Курочкиным добиться положительного результата и получить жилье для Нины, чтобы она, наконец, оказалась рядом с сестрой и они могли бы поддерживать друг друга.

Елена СКУЗОВАТОВА,
юрист-консультант,
Галина ОСАДЧУК,
помощник юриста

ТЕХНОЛОГИЯ РЕПРЕССИЙ В ДОКУМЕНТАХ

Продолжение. Начало на с. 1

Сведения обо всех этих лицах, а также об их детях, которые родились на спецпоселениях, тоже занесены в этот том. Часть книги, которая касается немцев, мы сформировали в алфавитном порядке. Издание первого тома было профинансировано администрацией Ульяновской области. На издание второго тома мы нашли деньги у спонсоров, помог Александр Александрович Майер, руководитель предприятия «Симмос». Он сам из репрессированных немцев, на себе испытал все тяготы и лишения.

Когда мы делали первый том, проблемы, конечно, были. Проблемы были и с ФСБ: старые кадры не хотели давать документы. В книге мы поместили документы не только из архивных следственно-уголовных дел, но и из служебной переписки. Это и расписки исполнителей о неразглашении своих обязанностей по службе, это акты на списание патронов и отчеты, где закапывались трупы. Мы подняли дела, по которым были осуждены за должностные преступления непосредственные работники НКВД, их агенты, которые под различными фамилиями фигурировали в деле и занимались фальсификацией доказательств. Все эти документы в первом томе есть. Мы не стали их подвергать какой-то правке, сделали один к одному, чтобы каждый человек это прочитал, пропустил через себя и сам сделал выводы, что творилось, и ответил на вопрос, должно ли это когда-нибудь повториться.

Я до назначения на эту должность работал начальником отдела гособвинения. Надо сказать, что в наше в Ульяновской области действует суд присяжных, и поскольку в суде присяжных требования к доказательствам совсем иные, каждое доказательство со всех сторон проверяется, прежде чем его преподнести присяжным. Когда я взял в руки эти дела 30–37-го годов и увидел, какие там были доказательства, я просто был в шоке. Дела лежали у меня в кабинете, приходят сотрудники, молодежь особенно, она понятия не имеет, что такое репрессии. Вот тебе дело, бери, читай, смотри, вот списки, где подписано: расстрелять или конфисковать.

Чтобы преодолеть нежелание органов ФСБ давать документы, прокурор области попросту возбудил уголовное дело по факту массовых репрессий и поручил следователю провести надлежащее расследование. В рамках этого дела мы провели принудительные выемки в архиве ФСБ, изъяли все описи, посмотрели. Были выявлены документы, подтверждающие и пьянки организаторов арестов, и справки, сколько они водки закупали, как «обмывали» все эти дела. В общем, вся эта страшная технология показана реальными документами. В конце первого тома есть справка следователя по этому делу.

(Вопрос из зала) — *Повторите, пожалуйста, о возбуждении уголовного дела. Как это будет точно в вашей формулировке? Я хочу рассказать в своей прокуратуре.*

Если мы знаем, где находятся документы, мы можем провести выемку либо добровольно, либо принудительно. Когда мы спросили, дескать, нам нужны документы, в ФСБ сказали: вы знаете, да у нас вроде и нет, проверили, ничего не нашли. Но я работаю в прокуратуре 11 лет и считаю, что нужно доверять, но проверять. А если возбуждено дело, идет расследование - это беспроигрышный вариант.

Нас пытались упрекнуть в том, что мы опубликовали акты о приведении решений троек в исполнение, указали фамилии непосредственных исполнителей, вроде бы не имели права, так как поставили под удар судьбы их детей, родственников. Мы пытались найти этих исполнителей, запросы по различным адресным бюро направляли, но, к сожалению, никого не выявили, они из области исчезли.

В рамках этого же дела мы пытались найти захоронения. Поскольку каких-либо документов, точно указывающих эти места, мы не нашли (может, они были своевременно уничтожены), поэтому пытались опираться на показания очевидцев, которые в то время были еще маленькими ребятами, они говорили, что видели, где расстреливали, слышали выстрелы, потом видели, что что-то роют, фонариками ночью светят. Это место так называемого Стрижева оврага, у нас там моторный завод, он был эвакуирован из Москвы. Мы там провели раскопки, наткнулись на кости. Конечно, мы их изъяли, назначили судебно-медицинскую экспертизу, но эксперты нам сказали, что этим останкам минимум 200–300 лет. Ульяновск раньше Симбирском назывался, это был город церквей, так что кладбищ у нас было очень много, в том числе в тех местах.

По показаниям очевидцев, было еще одно место захоронения, так называемое заразное кладбище областной больницы, но на месте этого кладбища с 57-го года у нас плещется Волжское водохранилище, так что там мы тоже концов не найдем.

Что касается увековечения памяти, то никаких мемориальных досок, никаких памятников нет. Это наша беда.

День памяти жертв политических репрессий в области проходит следующим образом. Недели за две до наступления этой даты старшие помощники прокурора области встречаются с корреспондентами всех наших областных газет, радио, телевидения, и мы им рассказываем, чем занимались прошедший год, чем планируем дальше заниматься. И 30 октября на областном радио день начинается с этого.

Что касается работы с молодежью, вот эти списки по немцам во втором томе нам помогали писать студенты нашего Ульяновского государственного университета. Одна студентка потом писала курсовую работу по Книге памяти, а другая витийствовала по репрессиям в отношении немцев. Она ходила в костел, лютеранскую церковь, пыталась с людьми встретиться, с теми, кто непосредственно пережил гонения, подкрепила все это ксерокопиями из архивных дел спецпоселенцев. У нас преподаватели есть, заинтересованные в развитии этих тем.

Вот вкратце, что сделано у нас.

Сергей ХРУЛЕВ,
старший помощник прокурора Ульяновской области

В МИРЕ ДВУХ ДИКТАТУР

16 мая в Сыктывкаре, в помещении Национального музея Республики Коми завершилась демонстрация фотовыставки «В мире двух диктатур. Россия и Германия в XX веке», созданной Просветительным центром «Мемориал» (Санкт-Петербург). К закрытию выставки был приурочен двухдневный симпозиум «Мир после Освенцима и ГУЛАГа», организованный ПЦ «Мемориал» (СПб) совместно с Сыктывкарским Обществом «Мемориал» и Республиканским общественным фондом жертв политических репрессий «Покаяние».

Организаторы симпозиума посвятили его проведению памяти председателя Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» Вениамина Викторовича Иофе, автора концепции выставки и идеи симпозиума. Симпозиум открыл член Правления Международного общества «Мемориал» А.Ю.Даниэль (Москва); он же вел все заседания и завершающую дискуссию.

16 апреля в Национальном музее Республики Коми (г. Сыктывкар) состоялось открытие передвижной выставки Санкт-Петербургского Просветительного и научно-информационного центра «Мемориал» «В мире двух диктатур. Россия и Германия в XX веке».

Демонстрация выставки стала возможной благодаря усилиям Национального музея Коми, помощи Сыктывкарского общества «Мемориал» и фонда «Покаяние» при поддержке фонда Конрада Аденауэра.

Открывал выставку директор Просветительного и научно-информационного центра «Мемориал» В.В.Иофе.

С приветственным словом выступили директор Национального музея РК В.М.Стрекалова, заместитель министра по делам национальностей РК О.Ф.Штраллер, заместитель министра культуры РК С.А.Беляева, доцент КГПИ Н.И.Сурков, доцент Сыктывкарского университета Л.М.Макарова, от фонда «Покаяние» и Сыктывкарского общества «Мемориал» М.Б.Рогачев. За время работы выставки ее посетило более 800 человек.

Выставка «В мире двух диктатур» рассказывает о том, как два европейских государства, Россия и Германия, в начале XX века выпали из русла мировой цивилизации и оказались ввергнутыми в состояние первобытной орды. В своей государственной практике эти страны воспроизвели психологию каменного века: разделение на «своих» и «чужих», культовые обряды племенного единства, магические заклинания государственной пропаганды, обожествление вождей племени, мистический страх перед возможными кознями тайных враждебных сил. Поиск внутренних и внешних врагов и борьба с ними составили суть политической философии и карательной политики этих диктаторских режимов. Технические средства XX века придали развязанной ими охоте на людей невиданный ранее размах, а заражение мира тоталитарными идеологиями и их преодоление составили основное содержание мировой истории XX века.

Войны государства с человеком развивались в России и Германии по-разному. В России новому строю удалось почти сразу избавиться от своих действительных и мнимых противников с помощью бессудных убийств периода «красного террора», гражданской войны и двухмиллионной эмиграции. Позже прямое уничтожение оппонентов было заменено отправкой их в концлагеря устрашения (наиболее известным из них был лагерь на Соловках), где они проходили курс разрушения человеческой личности демонстративным произволом администрации и бессмысленной дисциплинарной муштрой. В дальнейшем поиск вредителей расширялся, все новые категории населения объявлялись «врагами народа» и подвергались репрессиям: либералы, социалисты, офицеры, инженеры, священники, крестьяне, финны, поляки, немцы, эстонцы... эсперантисты... списку этому не было конца. «Врагов народа» сдавали расстрелы и лагеря, и через созданный в 1931 году ГУЛАГ за последующие десятилетия прошли миллионы безвинных жертв. Через двадцать лет после октябрьского переворота, в 1937–1938 годах, террор достиг максимума, затем несколько спал в предвоенный период, но и тогда, и в последующие годы он уже существенно не снижался. В сороковые-пятидесятые годы врагами народа объявлялись целые народы: чеченцы, ингуши, калмыки, греки, месхетинцы, евреи, ассирийцы...

В Германии национал-социалистический режим после прихода к власти в 1933 году начал с устройства концлагерей устрашения (наиболее известным из них был лагерь в Дахау), где так же, как и на советских Соловках, происходило разрушение личности политических и идеологических оппонентов режима. В дальнейшем репрессии расширялись, врагами рейха были объявлены целые категории населения: социал-демократы, евреи, цыгане, «Свидетели Иеговы», душевнобольные, расово неполноценные, гомосексуалисты, декаденты и т.п. С начала войны были созданы лагеря уничтожения, где врагов начали уничтожать промышленным способом, и счет убитых пошел на миллионы.

В первобытном мире уничтожение пленных врагов было со временем заменено более прагматичным – обращением их в рабство. Точно так же через несколько лет после установления диктаторских режимов в России и Германии их правительства пришли к осознанию того, что жертвы режима могут быть использованы как рабочая сила и смерть заключенного от непосильного труда полезнее, чем прямое убийство его как врага народа. В июле 1929 года было принято Постановление Совета Народных Комиссаров «Об использовании труда уголовно-заключенных», которое положило начало широкому использованию труда заключенных в развитии экономики Советской России, в начавшейся индустриализации, в «великих стройках коммунизма». Национал-социалистская Германия пришла к тому же выводу под давлением обстоятельств военного времени в марте 1942-го, когда рейхсфюрер СС Himmler отдал распоряжение Хозяйственно-управлению СС шире использовать труд заключенных в военной промышленности. Эти административные акты не ликвидировали работу машин смерти, но способствовали тому, что лагеря массового уничтожения стали все больше сменяться шахтами и каменоломнями массового уничтожения, созаготовками массового уничтожения, железнодорожным строительством массового уничтожения (Россия в этом преуспела, у Германии оставалось мало времени). Как и в эпоху древнего деспотизма, на строительстве большого количества государственных рабов позволяло новым диктаторам затевать амбициозные проекты великих строек, которые должны были навсегда остаться в памяти потомков. Так были построены Беломорканал (1933) и Москва-канал (1935), заложены железные дороги по краю Северного Ледовитого океана (1949, лагерь в Салехарде) и через пустыню Сахару (1942, лагерь в Джельфе, Алжир). Со смертью диктаторов машины смерти были остановлены, но соблазн возврата к племенной соборности остался и находит своих поклонников в наших странах и по сей день.

Выставка «В мире двух диктатур» посвящена тем мужчинам и женщинам России и Германии, кто, живя среди торжествующей жестокости и бесправия, смог выстоять, сохранить личную внутреннюю свободу и остаться человеком в бесчеловечном мире XX века.

Ирина ФЛИГЕ,
НИЦ «Мемориал»
(Санкт-Петербург)

ЗАКОН ДОЛЖЕН ИСПОЛНЯТЬСЯ

Продолжение. Начало на с. 1

Нарушение прав реабилитированных и пострадавших от политических репрессий на льготное обеспечение лекарственными средствами, на бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов в государственных и муниципальных учреждениях наблюдается повсеместно. В последнее время министерство финансов перестало возмещать расходы на указанные нужды из федерального бюджета, ссылаясь на то, что эти расходы должны финансироваться из местного бюджета. Поэтому с целью решения одной из основных задач закона о реабилитации – обеспечения посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба лицам, подвергшимся репрессиям, заместитель генерального прокурора просит рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений в положение о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, и предложить министерству финансов Российской Федерации принять меры к соблюдению установленного правительством порядка финансирования расходов на предоставление льгот этой категории граждан. Вот такую позицию занимает Генеральная прокуратура. Генеральная прокуратура выступила в защиту реабилитированных и пострадавших и внесла конкретные предложения. Теперь решение зависит от правительства. Мы пытались решить это на уровне Министерства социальной защиты в прошлом году, но пришли к выводу, что это недостаточный уровень. Вот, пожалуй, основная информация.

Недостатков в работе органов прокуратуры, конечно, много. Много нареканий связано с исполнением определений Конституционного суда. Я и раньше говорила и со всей ответственностью заявляю сейчас, что вины органов прокуратуры в этой проблеме не существовало. На органы прокуратуры законом возложено решение двух проблем: проверка уголовных дел и признание детей пострадавшими от политических репрессий. Никогда не было серьезных сбоев в этой работе. Конституционным судом определен для детей новый статус: жертв политических репрессий. В законе не было сказано, кто должен заниматься этой работой, и Конституционный суд не указал, кто должен исполнять определение Конституционного суда. Генеральная прокуратура не вправе была это делать. И только после того, как председатель Конституционного суда определил порядок его исполнения, незамедлительно приступили к работе. Более того, все первичные заявления об изменении статуса в архив не сдавали, ждали, когда будет принят закон или Конституционный суд определит порядок исполнения.

Совершенно напрасно некоторые общественные объединения говорят, что здесь виноваты органы прокуратуры, и направляют людей в суд с исками за упущенную выгоду. Я интересуюсь этой судебной практикой и не знаю ни одного судебного решения, которое бы высказало какие-то претензии в адрес прокуратуры по исполнению определения Конституционного суда.

Есть еще вопросы, которых я хотела бы коснуться. Начну с проблем раскулаченных. Закон не говорит о «раскулаченных», так как этот термин не является правовым. Но тем не менее, в преамбуле закона говорится о репрессиях по социальным, национальным и иным признакам. На мой взгляд, здесь налицо социальный признак, так как речь идет о категории лиц, которые выселялись по своему имущественному состоянию. Если говорить о том, что связано со ссылкой, высылкой и спецпоселениями, то закон регулирует все эти вопросы.

Что касается тех, кого просто выселяли без предоставления другого жилья, с конфискацией имущества, – к сожалению, здесь законодатель допустил правовой пробел, который, на наш взгляд, можно восполнить статьей 3 Закона о реабилитации, где говорится про «иные ограничения прав и свобод». Вот как раз выселение из домов без перемещения в другую местность можно под этот правовой термин подвести.

Лица, которые были выселены без направления на спецпоселение, в ссылку, высылку, могут обращаться в суд, и при наличии официальных документов или на основании показаний свидетелей суд даст правовую оценку этой жизненной ситуации. Если суд сочтет, что в отношении семьи были допущены «иные ограничения прав и свобод», связанные с выселением, членам этой семьи – всем, независимо от возраста, – органы, исполняющие закон (в данном случае органы внутренних дел), обязаны выдать документ о реабилитации.

Вот такой правовой выход есть из создавшегося положения. И он уже апробирован.

Когда к нам обращались за разъяснениями по аналогичным ситуациям, мы такие предложения давали. Люди устанавливали факт ограничения прав и свобод по социальному положению, и решение суда являлось основанием для выдачи справки о реабилитации. Не только взрослым, но и всем членам семьи, которые входили в состав этого двора.

Вопрос о реабилитации пострадавших в административном порядке решается только по заявлению граждан. А если их не осталось в живых, если в качестве заинтересованной стороны выступает общественная организация, значит, нужно собрать необходимые документы или свидетельские показания и защищать интересы этой семьи.

Закон изначально предполагал реабилитацию осужденных не только по 58-й статье. Имелись в виду, например, осужденные за опоздание на работу, и за «колоски», и т.п., поскольку эти люди тоже оказались жертвами системы. Поэтому не случайно в законе была статья 19-я, которая говорила о том, что лица, привлеченные к уголовной ответственности за другие преступления по политическим мотивам, по заключению комиссии при Верховном Совете могут быть признаны жертвами политической репрессии.

Закон изначально предполагал, но после того, как Верховного Совета не стало, комиссия не работает, новая статья этот вакуум не заполнила. Это проблема законодателя. Я сомневаюсь, что законодатель пойдет по этому пути. Сейчас все попытки рассмотрения законопроектов, которые расширяют круг лиц, подпадающих под действие закона, в Государственной Думе не встречают понимания. Это касается даже исполнения определения Конституционного суда.

Комиссия по реабилитации должна продолжать работу. В ней могут принимать участие представители прокуратуры, ФСБ и УВД, потому что, как правило, на комиссии обсуждаются документы именно этих органов, но членами комиссии представители перечисленных структур быть не могут.

Коснусь еще частных случаев, по поводу которых ко мне обращались. Вот один из них. Две девочки после расстрела родителей были помещены в разные детские дома. Одна сейчас переведена в категорию реабилитированных и получает все льготы, а вторая – инвалид детства. И ей отказывают везде и всюду на том основании, что она уже получает все льготы как инвалид детства и больше ничего ей не положено.

Это незаконный отказ. Если у нее есть справка о реабилитации, ей обязаны на основании этого документа выдать удостоверение и предоставить льготы. У нас льготами жертв политических репрессий пользуются пенсионеры и инвалиды, а она является инвалидом. Отказывать в выдаче удостоверения реабилитированного в данном случае незаконно.

Случается, что, проверяя правильность судебных решений по установлению факта применения репрессий и изъятия имущества, Управление внутренних дел сразу, получая от заявителя такое решение, направляет его в прокуратуру. При этом приостанавливается исполнение решения, уже вступившего в силу. А заявителю объясняется, что справка о реабилитации будет выдана после прокурорской проверки.

Я хочу сразу сказать, что отказ в выдаче справки при наличии решения суда нарушает права гражданина и нужно идти к районному прокурору для восстановления нарушенных прав. У нас в практике были такие случаи. Когда у Бернаскевича было решение суда на руках, а отказали в выдаче удостоверения. (Подробно о деле Бернаскевича см. ИБ «Мемориал» № 12. – *Примеч. ред.*) По нашему указанию документ ему был выдан, когда его пытались опротестовывать. Если же решение суда будет признано незаконным, можно направить в органы социальной защиты это решение и сказать, что справка утратила силу, поскольку решение суда отменено.

Галина ВЕСНОВСКАЯ,
начальник отдела реабилитации
Генеральной прокуратуры

Гибель «ПРОМЕТЕЯ»

Все четырнадцать лет своего существования латышское просветительное общество «ПРОМЕТЕЙ» было опорой и центром латышской диаспоры в Советском Союзе. Предусмотренное уставом «ведение культурно-просветительской работы среди латышей» стало возможным «благодаря объединению всех лучших культурных сил» и успешной экономической деятельности, так как на просветительную работу государственное финансирование не предусматривалось. Хозяйственные предприятия «ПРОМЕТЕЯ» в 1936 году дали свыше 3 млн рублей прибыли, две трети из которых пошли на финансирование издательской деятельности – выпуск книг (всего было издано свыше 250 книг) и периодики, поддержку латышских театров (их было 4), учебных заведений, писателей и художников, завершение строительства дома «ПРОМЕТЕЙ» на Смоленском бульваре и надстройки в Большом Власьевском переулке, 14.

Атлант и Прометей, которого терзает орел Зевса. Фрагмент росписи чернофигурного аканфского кубка. Ок. 550 до н. э. Рим. Ватиканские музеи.

Деятельность «ПРОМЕТЕЯ» обеспечивала своего рода культурную автономию латышей и латгальцев (латгальцы – жители восточной области Латвии. – *Примеч. ред.*). Конечно, такая национальная самодостаточность и финансовая независимость не могли понравиться руководству страны.

В 1934–1935 годах по решению ЦК произошло сокращение выпуска латышских газет – превращение популярной ежедневной газеты «Комунару Циня» в еженедельное издание, прекращение издания латгальской газеты в Сибири, ограничивалась подготовка национальных кадров для школ и агротехникума. Правление «ПРОМЕТЕЯ» в июле 1935 года обращается к Ежову (тогда еще секретарю ЦК) и дополнительно к Щербакову (в отдел культуры ЦК) с просьбой о помощи по 9 программам культурно-просветительской деятельности. К январю 1937 года появилась прямая угроза самому Обществу, обыненному в трате денег на аппарат Общества, пренебрежении вопросами культуры (!). Кстати, в 1937 году предусматривалось покрытие «ПРОМЕТЕЕМ» дотаций Государственному театру «Скатуве». По просьбе Яна Рудзутака, заместителя председателя СНК, а с апреля 1936 года почетного председателя «ПРОМЕТЕЯ», ему направляют разъяснения и опровержение нелепых обвинений. «ПРОМЕТЕЙ» борется, хотя все уже предрешено...

Выступление Сталина на февральско-мартовском пленуме в 1937 году «О враждебном окружении страны и необходимости повышения бдительности» определило направленность репрессивной политики государства. В апреле «ПРОМЕТЕЙ» издает речь вождя отдельной брошюрой на латышском языке.

А что Ян Рудзутак? В апреле Политбюро исключает его из партии, через два месяца он будет арестован. Но еще много раньше «ПРОМЕТЕЙ», вернее, связанные с ним писатели были втянуты в водоворот репрессий, что поначалу не воспринималось как нарастающая катастрофа. Уже первый процесс над троцкистско-зиновьевским блоком (в августе 1936) за связь с «террористом Ольбергом», проходившим по этому процессу, захватил латышских писателей – поэта и критика Эмиля Фроса (Розенбаха) и писателя Линарда Лайцена. Весь сентябрь латсекция Союза писателей разбирает их «преступления». Первого лишают права чают из Союза писателей. Фроса арестуют уже 11 октября (он погибнет при расстреле заключенных Орловской тюрьмы в начале войны). Лайцен расстрелян 3 июня 1937 года (его прах покоится в могиле № 1 на Донском кладбище). 22 мая 1937 года арестован (как участник военного заговора) Роберт Эйдеман – поэт, председатель Центрального совета ОСОАВИАХИМА СССР. Его расстреляли 12 июня, но уже 9 июня сняты с продажи книги Лайцена и Эйдемана. 14 июня Правление общества исключило из членов «ПРОМЕТЕЯ» Лайцена, Фроса (Розенбаха), писателя Упмалиса. В обществе царят растерянность, подозрительность, страх. Так, инструктор Ленинградского отделения «ПРОМЕТЕЯ» в письме Правлению общества возмущается задержкой информации об изъятии книг «подлейших гадов, заклятых врагов советского народа» (книги уже отправлены в Новгород) и спрашивает, что делать с календарями и учебниками, в которых есть строки этих писателей.

В мае журнал «Большевик» печатает разгромную рецензию Сталинским ЕМ вообще окажется смертельной. Через полгода будут арестованы и расстреляны руководящие: ведущая канцелярией Надежда Шилтова и главный бухгалтер Ашот Хубларов; еврей – коммерческий директор Роман Крикстабер; русские – управляющий делами Павел Баранов, бухгалтер Николай Левин и зав. производством Владимир Смирнов. Еще раньше был расстрелян архитектор и строитель дома «ПРОМЕТЕЯ» немец Освалд Шнейдратус.

Опустели два этажа дома «ПРОМЕТЕЯ», где размещались администрация общества, издательство, многочисленные секции, клуб, библиотека, столовая, детский сад. На двух других этажах 32 квартиры занимали сотрудники «ПРОМЕТЕЯ» и латсекции Коминтерна. С октября начинаются аресты жильцов. К 3 декабря, когда должна начаться массовая операция по «разгрому националистической деятельности латышей» (см. газету «30 октября» № 4, 2000), половина латышских жильцов дома уже будет арестована. К 12 декабря – выборам Верховного Совета – дом почти опустеет. Мужчин арестовывали ночью, женщин забирали днем. Так, утром из очереди за молоком вызвали Илгу Земелис, жену Яна Калнберзина, сидевшего в это время в латвийской тюрьме. В 1940 году он станет секретарем ЦК Латвии, Илга будет расстреляна в Бутово. Кстати, НКВД приезжал и за Калберзиным, думая, что он скрывается. Часто с обыском приезжали «сталинские молодцы» (так называли молодых энкавэдэшников), после их ухода оставались содранные обои, взломанные чемоданы, разбросанные вещи, в кучу сваленные книги, одежда, утварь.

Было репрессировано 82% взрослого населения дома. Все проживавшие в доме мужчины расстреляны, погибло 20% женщин, 17% детей отравлены в детдома. В освободившиеся квартиры или занимали сотрудники НКВД и райсовета. Сам дом «ПРОМЕТЕЯ» «пошел по рукам»: в нем расположился Главлит, а после отселения оставшихся жильцов находился Вычислительный центр, потом Пенсионный фонд, Автобанк.

Верховный Совет Латвии предпринял попытку реабилитировать «ПРОМЕТЕЙ» и вернуть здание латышскому Обществу. И хотя все члены «ПРОМЕТЕЯ» реабилитированы, нет закона о реабилитации юридических лиц.

Рута ОЗОЛИНЯ,
рижский «Мемориал»

Приближается столетие КВЖД

Девяносто лет назад в первом номере информационного бюллетеня «Мемориал-Аспект» была опубликована заметка под названием «Землячество КВЖД», где говорилось, что при «Мемориале» в Москве образовалось землячество, объединяющее людей, служивших на Китайско-Восточной железной дороге и впоследствии репрессированных (сейчас уже вернее было бы сказать – землячество детей и внуков репрессированных, бывших служащих КВЖД, вернувшихся в Россию в 1935 году, после продажи дороги).

Краткая справка:

«В середине XIX века Великобритания, Франция, США и Россия в результате военных действий добились у Китая права создавать на его территории концессии и зоны экстерриториальности. В пойме реки Вампу к востоку от собственно китайского Шанхая началось строительство нового города. В 1865 году в Шанхае было открыто нештатное консульство России во главе с подданным британской короны Диксвелом.

<...> 1922 год – начало массового притока русских эмигрантов в Китай. Части Белой армии, отступая с Дальнего Востока, оседают в Северном Китае. Центром белой эмиграции становится Харбин.

В 1924 году установлены дипломатические отношения между СССР и Китайской Республикой. Управление КВЖД перешло к советско-китайскому руководству на паритетных началах.

<...> 1929 год – обострение дипломатических отношений между СССР и Китаем. Вооруженный конфликт на КВЖД.

...1935 год – СССР в Токио подписал соглашение о продаже КВЖД властям Маньчжоу Го». (Семейные хроники. Москва, 2000 г. С. 89).

А 20 сентября 1937 года вышел «Оперативный приказ» № 00593 за подписью Ежова, в котором было предписано арестовать «всех харбинцев» (в приказе было приведено 13 категорий харбинцев, подлежащих аресту), от «изобличенных и подозреваемых в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности» до «бывших контрабандистов, уголовников, торговцев опиумом, морфием и т.п.».

Также была указана очередность арестов (п. 3):

«а) в первую очередь арестовать всех харбинцев, работающих в НКВД, служащих в Красной Армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности;

б) во вторую очередь – всех остальных харбинцев, работающих в советских учреждениях, совхозах, колхозах и проч.»

Кроме того, всех арестованных разделили на две категории (п. 6):

«а) к первой категории – отнести всех харбинцев, изобличенных в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежат расстрелу;

б) ко второй категории – всех остальных, менее активных харбинцев, подлежащих заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 8 до 10 лет.

(п. 7) <...> Отнесение арестованных харбинцев к 1-й и 2-й категориям производится на основании агентурных и следственных данных – Народным Комиссаром внутренних дел республики – начальником УНКВД области или края, начальником ДТОГУГБ НКВД совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги».

Особо следует отметить п. 8 и 9, в которых предписано:

«8. После утверждения списков НКВД СССР и прокурором Союза приговор приводить в исполнение – НЕМЕДЛЕННО».

9. Освобождение из тюрем и лагерей ранее осужденных харбинцев, отбывающих наказание за шпионаж, диверсию и вредительство, – ПРЕКРАТИТЬ.

На этих лиц представить материалы для рассмотрения на Особом совещании НКВД СССР». (Вверху текст приказа был опубликован в ИБ «Мемориал-Аспект» № 1 (3) за 1993 г.)

Так, одним приказом за подписью одного человека была решена судьба тысяч харбинцев.

1 июля 2003 года исполнится 100 лет со дня официального открытия КВЖД.

Нам, членам «Землячества КВЖД», хотелось бы, чтобы в этот день все те, чьи судьбы были связаны с Китайско-Восточной железной дорогой, могли собраться вместе, вспомнить и помянуть родных и близких, чтобы сохранить в памяти наших детей и темное и светлое, и горькое и радостное – словом, все то, что было нашей и будет их жизнью.

Сейчас нас только в Москве около 100 человек. Мы будем рады, если вы найдете нас, харбинцы.

Пишите мне по адресу:
125195, Москва, ул. Фестивальная, д. 21, кв. 51.

Татьяна Николаевна КОВАЛЕВСКАЯ,
председатель группы «Землячество КВЖД» при Международном обществе «Мемориал»

Т.Н.Ковалевская готовится к встрече харбинцев в «Мемориале». Москва, октябрь 2001 г.

На фотографиях из альбома Ганса Абрамовича Лев харбинцы 1920–30-х годов. Архив редакции

АРХИВ

МЕЧ ОПУСКАЕТСЯ

Николай Саркисов, 1990 год

Н.Саркисов через полгода после освобождения, апрель 1942 года

В последние два года архив НИПЦ «Мемориал», откровенно говоря – неожиданно для его работников, стал быстро пополнять свою и без того немалую коллекцию воспоминаний узников ГУЛАГа. Коллекция выросла почти вдвое и превысила 500, говоря скучным архивным языком, «единиц хранения». Причин такого всплеска передачи нам мемуаров несколько: и активная информационная политика «Мемориала», и персонализация работы с жертвами политических репрессий, и, наверное, понимание авторами воспоминаний того, что на исходе своей жизни им, к сожалению, не удастся увидеть их напечатанными. Да, в нашем странном обществе с хаотическим смешением коммунистического и капиталистического менталитетов, да еще в их крайних выражениях, история стала неинтересна. То есть подлинная история, которая учит.

Среди этих бесценных исторических свидетельств мы получили и воспоминания 90-летнего жителя Мариуполя Николая Рубеновича Саркисова. Он, единственный пока из авторов мемуаров, воспользовался для передачи воспоминаний самым современным средством связи – электронной почтой. «Открывать» файлы было даже страшновато – а вдруг что-то случится, что-то пропадет, что-то не откроется. Даже после «укимания» текста осталось 800 страниц. Но Николаю Рубеновичу было о чем вспомнить. Арест в ноябре 1932 года, когда он был 19-летним московским студентом (тогда на каждый вуз была «разнарядка» на аресты, дочищали троцкистов и показывали наверху «разоружение» советской интеллигенции, как себя вести), обвинение в руководстве «молодежной контрреволюционной организацией, ставящей целью свержение Советской власти методом агитации, террора и диверсии», то есть расстрельные 8, 9, 10 и 11-й пункты 58-й статьи. Уже в конце декабря – постановление Коллегии ОГПУ: 10 лет лагерей. Потом еще полугодичное сидение в Бутырке, Сиблаг, 3 года в БАМлаге, где удалось устроиться в Управление лагеря, с конца 1937-го – Кольма. Конец срока – 1942 год. Конечно, оставили в зоне. Освобождение пришло только в 1946-м, причем с удивительной формулировкой: «За хорошую работу освободить досрочно», но с Колымы, естественно, не отпустили. Более того, ОСО при МГБ 30 декабря определяет ему бессрочную ссылку. Снята в 1954-м, реабилитация – в 1956-м, окончание Киевского института народного хозяйства – в 1963-м.

Мы выбрали для публикации всего два небольших отрывка, объединенных временем и местом: конец пребывания автора в БАМлаге и начало жизни в Севвостлаге. Самое трудное было – выбрать что-то из авторского текста, даже в одной небольшой главе. И в очередной раз затеплилась почему-то надежда на то, что эти и сотни других таких же воспоминаний найдут своих читателей.

Сергей ЛАРЬКОВ

Фотографии предоставлены архивом НИПЦ «Мемориал» (Москва)

Долгое время наша стройка была запретной зоной для критики. Связано это с тем, что БАМ для оружающих был неотделим от БАМлага, а о лагерях не принято было упоминать публично. С другой стороны, наша стройка распоряжалась огромными материальными и людскими ресурсами, и власти, да и партийным органам приходилось не раз обращаться к БАМстрою за помощью. Благодаря стройке город Свободный по финансовым оборотам превосходил областной центр Благовещенск. Немаловажную роль стройка играла в экономике края. Краевое руководство: Лаврентьев, Дерибас, Дзенис, а также командующий ОКДВА (Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. – *Примеч. ред.*) Блюхер, бывая в Свободном, неизменно искали встреч с Френкелем, Кузнецовым, Шидвидом. На пороге тридцать седьмого года устоявшийся порядок неожиданно дал трещину, начали происходить малопонятные сначала события.

Началось, пожалуй, с того, что приехавший на Дальний Восток рассасывать пробки на железной дороге заместитель Каганович Лившин был неожиданно арестован и препровожден в Москву со спецконвоем. Там он якобы признался в том, что стремился развалить железнодорожный транспорт страны и в этих целях вступил в сговор с начальниками железных дорог, в их числе с Рутенбургом – начальником Амурской дороги. Вскоре в Свободный направлена следственная бригада во главе с майором госбезопасности Грачом. В то время звания только вводились, и звание майора внушало ужас – ведь сам начальник БАМлага Кузнецов был всего лишь старшим лейтенантом. Для бригады Грача срочно отремонтировали особнячок, а в зоне переоборудовали два барака у вахты, оцепив каждый колючей проволокой. Один из бараков-тюрем охраняла московская бригада НКВД в фуражках с красными околышами, второй – пограничники – с зелеными. Грач начал клевать Управление Амурской дороги и быстро в этом преуспел, набив до отказа оба барака. Ежедневно, идя на работу, мы встречали людей в красивых форменных шинелях с меховыми воротниками, ведомых конвоирами в тот зловещий особняк. <...>

Дошла очередь и до БАМлага. На областной партконференции 30 мая 1937 года обрушили шквал огня на Кузнецова и Шидвида: им инкриминировали насаждение подхалимажа, зажим критики, отсутствие самокритики, ну и, конечно, ставку в аппарате на вредителей и контриков – это был главный козырь. На беду в управлении случился пожар в Красном уголке, сгорело несколько малозначимых брошюр, но на конференции это расценили как вылазку классового врага. С уходом в наркомат Бермана ГУЛАГ перестал быть прикрытием, а буквы «НКВД» – «табу» для местных партторганизаций, долгие годы копивших ненависть к пользующимся некоторыми льготами работникам лагерного управления. Все эти страсти начали доходить до лагеря, и всем нам стало ясно: дамоклов меч вот-вот опустится и на наши головы. <...>

Во время моего ночного дежурства, как оказалось, последнего, зашел Могилевкин. В комнате был полумрак, лица его я не видел, но в последние дни он выглядел неважно: лицо обрюзгло, под глазами мешки, улыбка – редкий гость. Он молчал, видимо, не зная, как сообщить не очень приятную новость. Неизвестность меня угнетает пуще несчастья, и я помог ему: «Нас, повидимому, отсюда угонят?» – «Скоро, может быть, через неделю, а может, и раньше. Выручить на этот раз не могу – сам качаюсь. Вон, говорят, Френкель окружил себя троцкистским охвостьем, на границе – огромный лагерь, принято решение всех законвоировать». – «Я, Моисей Аронович, обязан Вам очень многим и этого не забуду. Обо мне не тревожьтесь, я должен испить чашу испытаний до дна. Вам желаю удачи!» <...>

Ранним июньским утром нас усадили в машину, даже не обшмонав по лагерному обычаю. На душе тревожно, понимаем – возврата нет. В хорошее никто не верил, тревога не уходила. <...> Тогда мы еще не понимали всю глубину и масштаб происходящих в стране процессов. Возможно, именно такое незнание будущего спасает людей от петли.

Мы склоняли на все лады: станция Арга, Аргинский совхоз, Аргинский карьер. Это совсем недалеко от Свободного, но это – лагерная провинция, со своими законами. Нас шмонают там как бывших управленцев с особенной ненавистью, значки «Ударник БАМа» вырывают с мясом, отнимают и рвут грамоты. Мы молча наблюдаем за тем, что творится. Уж лучше б на Кольму, да поскорее! <...>

Здесь я опять, как три года назад, работаю на общих работах, грузим балласт в вагоны. Работа очень тяжелая, особенно для людей, не привыкших к физическому труду. <...>

Прошло сорок дней, как мы покинули управление, и каких дней! Каждый давался с боем, великим напряжением. Там, в управлении, эти дни пробежали бы незаметно, здесь те же 12 часов тянутся невыносимо долго. После ужина все без исключения валятся на набитые сеном матрацы и не шевелятся, ни хождений, ни разговоров. Крутой поворот к предельной физической нагрузке для многих обернулся различными деформациями в организме, рвутся мышцы, смещаются внутренние органы, опухают суставы. Все это мучительно, но имеющихся признаков недостаточно, чтоб лептом мог дать освобождение от работы.

В бригадиры нам навязали Голубовича, тихого и на вид интеллигентного работника культурно-воспитательного отдела. Вскоре он показал свое настоящее лицо: пресмыкался перед десятником и наглел по отношению к членам бригады, окружил себя прихлебателями и кормил их, обеспечивал им в нарядах 150%-ное выполнение норм, а они из кожи вон лезли, чтоб поддержать его. Первым высказал свое мнение единственный дворянин в бригаде, Николай Николаевич Прозоровский. Кстати, он по возрасту имел 2-ю категорию, и ему требовалось выполнять вполовину меньше остальных, его Голубович обеспечивал хорошей пайкой, и он мог бы промолчать, но он сказал: «Избави нас Боже от интеллигентного бригадира! Предпочел бы посадить на шею себе какого-нибудь не сильно наблатыканного бандита». Над его формулировкой мы посмеялись, когда же удалось скинуть Голубовича, о ней вспомнили, и ко времени. <...>

А машины все подвозят и подвозят каэровцев (осужденных по статье за контрреволюционную деятельность – *Примеч. ред.*) с тяжелыми пунктами нашей родной пятьдесят восьмой. Продолжают «чистить» аппарат и в лагерных отделениях, и даже на лагпунктах, и каждую машину мы встречаем вихрем вопросов. Раз уж нас изгнали из рая, хочется, хочется, чтоб он для оставшихся там превратился в ад. И все как по нашему заказу: режим ужесточался с каждым днем. Невозможно в одночасье законвоировать огромный лагерь, урезать свободы всем – возможно. <...> Управленцы утром строятся у вахты в бригады и идут строем посредине улицы под надзором своих бригадиров: «Ать, два – левой!» <...>

Долгожданная комиссия нагрянула рано утром, но на работу нас все же вывели, решив комиссовать этап по окончании рабочего дня. Наш милый Николай Николаевич быстро завел в комиссии знакомство: «Вас, Николай Рубенович, не спасет от этапа ничто, а мы с Никифоровым останемся здесь, наши пункты не подпадают под их инструкции. А Сероштану следователь выбил зубы и тем уберег от Колымы». Для меня это был удар ниже пояса, я так был уверен, что еду вместе с другом, и тогда мне не были страшны ни Колыма, ни Чукотка, ни Тиксы, теперь меня не обрадовал бы даже Диштак.

С Сероштаном мы долго ходили в темноте, ожидая своей очереди комиссоваться. Он агроном из Иркутской области, глубокий старик по лагерному счету. Рассказывал, что инкриминировали ему «сибирку» и другие жуткие болезни, якобы прививающиеся под его руководством скоту. Примененные следователем «физические аргументы» не возымели действия, и тогда моему собеседнику объяснили, что его показания понадобятся в политической игре с капиталистическим окружением, чтоб объяснить тем мерзавцам, почему за годы советской власти резко сократилось поголовье крупного скота. Он помог следователю, тому, который оставил его без зубов. <...>

Римасы памяти: полностью выпали как трагическая сцена прощания с остающимися, так и погрузка в красные вагоны. Видимо, в мыслях я уже был далеко от Арги. Вышел из шока уже в вагоне. Нас катали по путям разъезда, формируя большой состав. В вагоне скучно не было, подобрались люди одной судьбы, все каэреры 58-й гвардии, каждый искал опоры в других и находил, хотя бы до Владивостока. Кроме Стапанца, близким был мне еще Маслов из вешевого отделения. Оба – ребята неунывающие: на Кольму так на Кольму, а нет – так и на Чукотку, везде люди живут, проживем и мы.

Из окна выкинул письмо – под ноги идущей женщины; и спасибо ей: письмо дошло адресату. На дорогу снабдили коричневыми пилюлями – витамин С. Они не помогали, за восемь дней без движения цинга, начавшаяся в колонне, скрутила в дугу одну ногу и, выяснившись во Владивостоке поздним вечером 14 августа, я со своим чемоданом еле-еле доковылял до транзитного лагеря. Там случилось чудо: нам дали по шайке свежих щей на десятку, и от капусты нога тут же разогнулась. Впоследствии таких чудес, но уже не с капустой, а со станниким приходилось на Колыме видеть немало.

Я должен был уехать 31 августа, но ввиду болезни от поездки отставили. Отцу я писал: «За меня ты сейчас не бойся и не беспокойся, я хорошо отдохнул, чувствую себя прекрасно, лучше не надо». Это была истинная правда: прибыл я в Кольму в отличной форме и неплохо продержался до нового года и, если б меня не репрессировали в ЗУР (зона усиленного режима. – *Примеч.ред.*) на «Свистопляске», где я просидел более двух месяцев на «трехсотке» (300 г хлеба в сутки. – *Примеч.ред.*) в кошмарных условиях, вероятно, пережил бы зиму нормально. <...>

Весной или летом 1938 года (время-то было какое!) мой отец получил письмо от Иннокентия Никифорова из Буреи. Хотя отец был очень аккуратным корреспондентом, но, боясь, на это письмо не отреагировал. Во всяком случае, если мне не изменяет память, об этом письме я узнал по приезде в Москву. После реабилитации я мог заняться поисками друга, но не занялся, ждал, что сам он объявится. Он же, скорее всего, забыл адрес отца и не мог сообщить о себе. Так оборвалась и эта ниточка. Но он для меня остался другом до конца жизни.

Кто-то из «бывших», кажется, Ефросинья Керсновская, писала, что в лагере дружбы не существует. Возможно, для женщин – это верно. Мужская дружба существовала, она существует везде, где живут люди.

МУЗЕЙ

ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ

Стремление к свободе творчества было рискованным на протяжении всего периода советской власти, но в нашей коллекции произведений репрессированных художников большинство работ относится к 30–50-м годам. Поэтому радует, что у нас начинают появляться работы, созданные в тюрьмах и лагерях во времена Хрущева и Брежнева. По мироощущению и образному строю они совсем другие, но так же интересны.

Художник Александр Ильич Калугин родился в 1949 году. Характер у него, как у почти всякого талантливого человека, весьма неординарный и сложный. Но одного качества он лишен, кажется, абсолютно – благоразумной осторожности. Этот человек всю жизнь органически не умел скрывать свои взгляды, сдерживать свою реакцию при столкновении с несправедливостью. В 1966 году, 17 лет от роду, он оказался замешан в драке – кто из мальчишек в этом возрасте не дерется? Никому особого вреда не причинил, но в милиции, где обычно все притихают, вел себя так вызывающе, что уголовное дело «пришили» именно ему и отправили в психбольницу на целых 3 года.

Второй раз его арестовали в 1974 году после выставки в Измайловском парке. На этой выставке власти, скрепя сердце, разрешили показать некоторые работы художников-авангардистов, пытаясь замять безобразный инцидент, ставший известным во всем мире как «бульдозерная выставка». Позже Александра вызвали в милицию и предложили подписать обещание, которое сейчас покажется весьма экзотическим: не писать абстрактных картин (Калугин никогда не был абстракционистом, но тогдашние сотрудники правоохранительных органов называли так любой авангард, все, что хоть как-то отличалось от традиционного реализма). Кроме того, от него требовали выехать из квартиры, в которой он жил с женой и маленьким ребенком, и поселиться по месту прописки. Если первое условие имело только то следствие, что Калугин заинтересовался абстрактной живописью и попробовал написать что-то в этом стиле, то выполнить второе значило оставить любимую женщину без помощи, свалить на нее ответственность и тяжкий труд. Художник открыто возмутился и опять попал в психбольницу на 2 года.

Удивительно, но вести себя более осторожно он так и не научился. После начала позорной войны в Афганистане Калугин случайно, в троллейбусе, поспорил с полковником, да не просто поспорил, а сорвал с него погоны, не выдержав тупого цинизма, с которым тот пропагандировал официальную точку зрения. В 1982 году он с семьей подал заявление на эмиграцию из СССР, и сразу после этого был арестован. В 1986 году в Москве проводились Игры Доброй воли, нужные в первую очередь не для спорта, а для налаживания отношений с американцами. Неблагонадежные в столице были нежелательны, и Калугина опять арестовали прямо на улице.

В каких бы условиях ни оказался художник, он просто органически не может не творить. Подтверждение этому – все экспонаты нашего музея. Калугин рисовал и в камерах тюрем, и в палатах психбольниц. Что можно сказать о его произведениях? Прежде всего – они очень странные. «Я странен, а не странен кто ж? Тот, кто на всех глуп(ов) похож», – сказал Чацкий у Грибоедова. Калугин не похож ни на кого. Крайне трудно причислить его творчество к какому-то определенному направлению. Может быть, наиболее близок он к сюрреалистам – эти художники всегда любили играть сочетаниями несочетаемого, ставить рядом реалистично выписанные бытовые детали и самую невероятную фантастику. В то же время у Калугина можно найти элементы граффити, которыми вдоль и поперек расписаны московские стены и заборы, народного лубка, авангарда 20-х годов, средневековой гравюры. Калугин иногда балансирует на грани кича, любит использовать символы. В его картинах и рисунках масса отдельных сценок и деталей, которые, сочетаясь с другими деталями, каждый раз выглядят по-новому. Их хочется рассматривать отдельно и поочередно; при этом впечатление постепенно сливается в единое ощущение обыденного абсурда, привычного безумия нашей повседневной жизни – надоевшей бездарной пропаганды, грязных подъездов, равнодушных, хмурых людей.

Еще одна особенность работ Калугина: в них виден почти маниакальный трудоголик. Его рисунки состоят из миллионов тончайших штрихов, каждый квадратный миллиметр, каждый волосок проработан и выписан со всей мыслимой тщательностью.

«Читатель газет» – рисунок Александра Калугина из серии «Русские развлекаются». Очень респектабельного вида медведь, в очках, белой рубашке, при галстуке, читает у окна газету «Правда». По треснувшему стеклу ползает муха, за окном обычный городской пейзаж – труба, двухэтажные домики, фонари. Среди всей этой сероватой обыденности происходит нечто действительно страшное: на маленькой площади сжигают на костре человека. Никакого особого впечатления в городе это не производит; рядом остановились зеваки, но их всего-то двое, продавщица мороженого спокойно стоит поодаль со своим лотком, а медведь сидит спиной к окну – ему интересне газета.

Этот рисунок сделан в ноябре-декабре 1982 года. Сейчас уже мало кто с ходу скажет, чем запомнилось это время. А ведь 10 ноября 1982 года произошло заметное событие: умер Брежнев. Система, в которую так фатально не вписывался художник Александр Калугин, вступила в стадию распада – период, который народ на кухнях окрестил аббревиатурой ППП – «Пятилетка Пышных Похорон». Почему именно этот рисунок стал реакцией Калугина на такого рода новость? Бесполезно гадать. Образы подчас рождаются в таких глубинах души, что сам художник не может их объяснить. Однако случайными их тоже не назовешь. Черты времени и системы проступили в них достаточно ярко и убедительно. Это и звериная сущность, прикрытая холеной оболочкой, и слепота служаки со стажем, для которого выхолощенная газетная информация живее реальной трагедии, и убогость советской обыденности, и равнодушное, запуганное общество, и насилие, ставшее в атмосфере безгласия просто незаметной деталью быта.

Не только время, но и место появления этого рисунка примечательно. Как уже упоминалось, в 1982 году Калугин подал документы на выезд из СССР и вскоре в очередной раз был арестован. Так родился он в эти дни в камере Бутырской тюрьмы.

Иногда удавалось получать с воли бумагу и карандаши, но все это быстро кончалось, поэтому рисунок, о котором идет речь, сделан на картонной обложке папки для рисования. Естественно, в тюремной скуке и однообразии сокамерники наблюдали за работой художника не только внимательно, но и активно, обсуждая и подсказывая детали. Один из них в конце концов спас рисунок. Автора перевели в специальную психиатрическую больницу № 51, а рисунки и записи взять не позволили, они остались в камере. Другой заключенный, которого переводили следом в ту же больницу, вынес рисунок под одеждой. К сожалению, нельзя сказать, что им двигала исключительно чистая любовь к искусству: художнику пришлось выкупать свое произведение за универсальную валюту – 3 бутылки водки.

Разумеется, в советское время ни о каком официальном признании трагедии, и убогость советской обыденности, и равнодушное, запуганное общество, и насилие, ставшее в атмосфере безгласия просто незаметной деталью быта.

Не только время, но и место появления этого рисунка примечательно. Как уже упоминалось, в 1982 году Калугин подал документы на выезд из СССР и вскоре в очередной раз был арестован. Так

Вячеслав Бахмин, 1970-е годы

Записки русского интеллигента

В. Бахмин. Заметки. М., 2002.

Берешь в руки тонкую светло-серую книжку «Заметки Вячеслава Бахмина», изданную крохотным тиражом в Москве в 2000 году, и погружаешься в наше общее недавнее прошлое.

Книжка написана четко, лаконично. Автор как будто стесняется рассказывать о себе – только факты. За каждой строкой видится любимая всеми нами мягкая, немного застенчивая улыбка Славы Бахмина, человека искреннего, душевного и доброго. Уже за первыми строчками этой книги встает живой человек, любознательный мальчик из рабочей семьи, который, благодаря своим незаурядным способностям, попал в знаменитый Интернат МГУ, сумел взять все, что могли дать прекрасные преподаватели, жадно впитывал культуру и даже играл в школьном театре под руководством Юлия Кима. Естественно, что молодой математик активно включился в правозащитную деятельность. Книга читается как краткий очерк поступков и реакции на них властей предержащих. После каждого короткого абзаца хочется остановиться и попросить: «Ну, пожалуйста, Слава, расскажите об этом подробнее». Читаются эти телеграфные строчки на одном дыхании.

В отдельное приложение выделены документы, в том числе запись беседы в КГБ 18 октября 1979 года, заявление Вячеслава Бахмина на случай ареста, текст письма протеста в связи с арестом В.Бахмина 17 февраля 1980 года и другие.

Заявление Вячеслава Бахмина на случай ареста

«Я не признаю права на преследование моих поступков за теми органами, которые не раз компрометировали следствие и фальсификацией. Я отказываюсь участвовать в таком следствии и заявляю об этом уже сейчас. Унизительно доказывать свою невиновность на следствии, результаты которого предопределены. Пока трудно представить, какие конкретные обвинения приготовили мне. Возможно, я так же, как Подробилев, выдумывал клеветническую информацию, пытаясь всеми силами опорочить существующий здесь строй (как будто он сам себя не опорочил многократно перед всем миром), возможно, я, как Щаранский, работал на одну из западных разведок и регулярно поставлял на Запад всевозможную секретную информацию (неважно, что я ее не располагал). Будут тома дела, будут готовые на все "свидетели", будет полный зал "публики". Перед ними, заранее равнодушными, я не буду ничего объяснять. Сейчас же, пока есть такая возможность, хочу сказать – я не совершал никаких преступлений. Я смог бы это доказать на открытом суде, и именно поэтому такого суда не будет. А другому суду мне сказать нечего».

Книжка может быть использована как источник по истории диссидентства.

Как жаль, что так мал тираж...

Веруйте, и Бог не оставит вас

А.П.Арцибушев. Милосердия двери. М., Духовная нива, 2001.

Книга трудная и мудрая. Это автобиография русского художника, родившегося недалеко от известного монастыря в Дивееве, прошедшего в своей жизни все, что характерно для нашего времени, в том числе лагеря и тюрьмы, но сохранившего в душе глубокую чистую веру в Христа и несгибаемое мужество. Язык книги, особенно первой ее половины, очень плотен, насыщен, даже в чем-то труден. Он наполнен цитатами и фразами из духовных отеческих книг, из Священного Писания. Для Алексея Петровича это та речевая среда, в которой он родился и рос. Он внук, сын и племянник монахинь, рос в доме, порог которого переступали бесчисленные паломники из всех слоев общества. Опыт постоянного милосердия, сострадания и размышления о божественном впитывался им буквально с молоком матери. После разгона Дивеева монастыря семья Арцибушевых была отправлена на поселение в город Муром. Не принявшая обновленчества и сергианства семья Арцибушевых и их друзья-единомышленники стали адептами катакомбной церкви. В воспоминаниях есть интереснейшие страницы, посвященные деятелям катакомбной церкви. Мало кто из нас знает об этом, и эта часть книги представляется мне наиболее важной и интересной.

В Муроме мальчик Алеша оказался практически предоставлен самому себе. С тех самых дней начинается борьба с самим собой, с греховным начином, которое есть в каждом из нас, но далеко не каждый осознает его в себе. Не каждый умеет встать после падения. Отсюда необычное, многозначительное название книги – «Милосердия дверь». Бог никогда не закрывает двери перед человеком, слабым и грешным, если человек этот стремится к Богу. «Человек перестает грешить тогда, когда грех ему омерзеет, – приводит слова своего духовного наставника Алексей, – а до сих пор, падая, смотри вверх». Так учил «смотреть вверх» Алексей Петрович, умел в течение тех десяти лет, что провел он в лагерях Воркуты, Абези, Инты. Грязь и жестокость не мешали художнику видеть красоту Севера, разнообразие характеров окружавших его людей, свет в их душах, который не сумели погасить нечеловеческие условия существования. Не удивительно, что вторая часть книги написана другим языком. Это язык приземленный, даже с вкраплениями «фени». Живые, точные описания реалий в той части, где автор описывает свою жизнь на поселении в Инте, читаются с большим интересом, особенно теми читателями, которые сами побывали на тех же основаниях и приблизительно в то же время. Ощущение присутствия Бога не покидает автора и читателя в любых обстоятельствах. Эту книгу необходимо прочесть каждому, кому важны и интересны духовные искания современника, кто хочет почерпнуть мужества, которое так необходимо каждому из нас в нашей непростой жизни.

Сусанна ПЕЧУРО

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Фотография из музея НИПЦ «Мемориал» (Москва): Александр Калугин в аплавте» московской спецпсихбольницы № 51

ИЮЛЬСКИЕ ХРОНИКИ

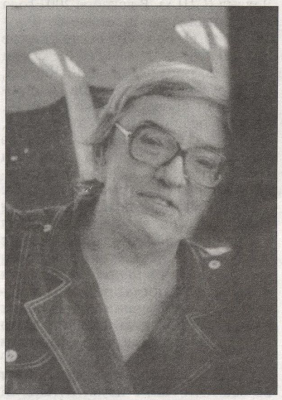
1917. 3–5 (16–18) июля

Первая попытка вооруженного захвата власти большевиками в Петрограде. После ее неудачи руководители партии Ленин и Зиновьев перешли на нелегальное положение, а ряд других большевистских деятелей (Троцкий, Каменев, Луначарский) были арестованы.

1922. 7 июля

Приказом по ОГПУ оформлено создание Контрразведывательного отдела (КРО). Осуществлявший до 1934 г. борьбу с эмигрантскими белогвардейскими организациями и иностранными разведками, КРО провел классические операции: «Синдикат» – заманивание в СССР и арест Бориса Савинкова и «Трест» – спровоцированный крупный монархический заговор гражданских и военных специалистов. Отработанная КРО технология создания провокационных антиправительственных организаций с их последующим разоблачением была использована при постановке московских показательных процессов 1930-х гг.

1927. 20 июля

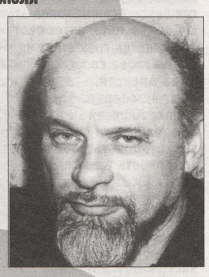


В Евпатории родилась **Людмила Михайловна АЛЕКСЕЕВА** – историк, редактор, правозащитница, общественный деятель. Член-основатель Московской Хельсинкской группы. Автор первого фундаментального исследования по истории инакомыслия в СССР.

* * *

Обнародована Декларация фактического главы Русской Православной Церкви митрополита Сергия (Старгородского) с призывом ко всем русским православным христианам «сознавать СССР своей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши успехи». Декларация вызвала бурю возмущения среди духовенства и мирян как в России, так и за рубежом и положила начало новым церковным расколам в РПЦ.

1932. 26 июля



В Москве родился **Юрий Иванович КИСЕЛЕВ** – художник, правозащитник, один из организаторов и руководителей Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР (умер в Москве в 1995).

1937. 3 июля

Политбюро ЦК ВКП(б) приняло совершенно секретное постановление «Об антисоветских элементах», инициировавшее т.н. Большой террор – массовые репрессивные операции НКВД. Первая из них регулировалась приказом НКВД № 00447 (издан 30 июля 1937). Согласно этому приказу в каждом регионе СССР (союзные республики, области, края и автономные республики) были созданы внесудебные органы – «тройки» – из представителей партийного руководства, руководства НКВД и прокуратуры региона, которые выносили заочно два типа приговоров: к расстрелу и длительному сроку заключения в ИТЛ. Антисоветские элементы – кулаки, уголовники (конокрады, фальшивомонетчики), члены бывших политпартий, духовенства, заключенные ИТЛ, продолжающие в лагерях антисоветскую деятельность, и т.д. – подлежали поголовному искоренению. За 4 месяца следовало репрессировать около 400 000. Впоследствии срок полномочий «троек» несколько раз продлевался, и они действовали почти до конца 1938 г.

15 июля

Открытие канала «Москва–Волга». К этому времени все руководство строительства канала (крупнейшей лагерной стройки 1933–1937 гг.) во главе с близким соратником Г.Ягоды Семеном Фириным было расстреляно.

1942. 28 июля

Главнокомандующий И.Сталин издал приказ, который не публиковался в печати, но был зачитан во всех подразделениях действующей Красной Армии. Приказ констатировал критическое состояние обороны страны после летних неудач кампании 1942 г. Им вводилась смертная казнь для всех военнослужащих (от генералов до рядовых), отступающих без приказа; для «трусов» и «дезертиров» создавались штрафные подразделения: роты и батальоны, которые посылались на наиболее опасные участки фронта. Создавались также заградительные отряды, которым предписывалось вести огонь по отступающим без приказа войскам.

1947. 16 июля

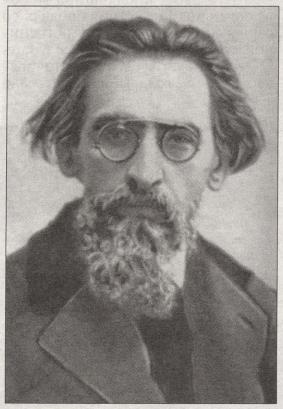
Новый акт борьбы с «низкопоклонством перед Западом» – ЦК ВКП(б) выпускает закрытое письмо «Дело профессоров Клюевой и Роскина» (ученые-медики, создавшие антираковый препарат и по межправительственному соглашению передавшие его образцы американским коллегам). Они были подвергнуты публичному поношению (суд чести) и объявлены виновными в «низкопоклонстве». Закрытое письмо предлагало партийным организациям страны выявлять «низкопоклонцев» в своих рядах и проводить аналогичные суды.

17 июля

Официальная дата гибели во внутренней тюрьме МГБ СССР на Лубянке шведского дипломата **Рауля ВАЛЛЕНБЕРГА** (тайно арестован советской контрразведкой в январе 1945 в Будапеште).

1952. 20 июля

В больнице инвалидного отделения Минлага (пос. Абезь) умер выдающийся русский философ и историк **Лев КАРСАВИН**.



27 июля

Торжественное открытие Волго-Донского канала (протяженность 101 км), который строился с 1948 г. руками заключенных. Последняя из «великих строек коммунизма», завершенная при жизни Сталина.

1957. 28 июля – 11 августа

В Москве состоялся Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Первое мероприятие, позволившее москвичам относительно свободно общаться с множеством иностранцев, приехавших в столицу. Фестиваль остался в памяти советских людей первой брешью в железном занавесе. Несмотря на грандиозную милицейскую операцию, сопровождавшую фестиваль и призванную не допустить нежелательных для властей контактов с иностранцами, они все же были и не только политического характера (появилось даже понятие «фестивальные дети»).

1962. 23 июля

Член Президиума и секретарь ЦК КПСС М.Суслов принял писателя **Василия ГРОССМАНА**, у которого по решению партийного руководства была конфискована рукопись его антитоталитарного романа «Жизнь и судьба». «Печатать вашу книгу невозможно, и она не будет напечатана. Пусть лежит». Конфискованная рукопись была опубликована на Западе в начале 1980-х (по единственному сохранившемуся у друзей писателя экземпляру), в СССР – в 1988 году.

1967. 17 июля

По решению Политбюро ЦК КПСС создано Пятое управление КГБ при СМ СССР для борьбы с «идеологической диверсией». Просуществовало до 1989 г. В результате его деятельности тысячи инакомыслящих были осуждены по политическим мотивам, направлены на принудительное лечение, выдавлены в эмиграцию.

21 июля

После массовых протестов не возвращенного из сталинской ссылки народа представители крымских татар были приняты в Москве секретарем Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе, министром внутренних дел Н.А.Щелоковым, председателем КГБ Ю.В.Андроповым, генеральным прокурором СССР С.И.Руденко, пообещавшими скорейшее решение крымскотатарского вопроса.

1972. 5–7 июля

Киевский областной суд приговорил одного из старейших участников национально-освободительной борьбы украинского народа, члена УПА, ветерана ГУЛАГа **Данилу ШУМУКА** к 10 годам лишения свободы в лагере особого режима и 5 годам ссылки. Рукопись его воспоминаний о Второй мировой войне и пребывании в лагере, найденная при обыске у литературного критика Ивана Светличного, легла в основу обвинения. Суд признал его «особо опасным рецидивистом». Срок отбывал в Дубравлаге и пермских политических лагерях. Освобожден в январе 1987 года. Всего провел в ГУЛАГе около 40 лет.

1977. 1 июля

Реализуется утвержденная Политбюро ЦК КПСС репрессивная операция против Хельсинкского движения в СССР. Выездная сессия Донецкого облсуда (в г. Дружковке Донецкой области) вынесла приговор членам-учредителям Украинской Хельсинкской группы писателю Миколе Руденко и педагогу, бывшему политзаключенному хрущевских лагерей Алексею Тихому. Инвалид войны Руденко получил семь лет строгого режима и 5 лет ссылки, а Тихий, признанный особо опасным рецидивистом, – 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки (умер в неволе).

22 июля

Несмотря на репрессии против участников Хельсинкского движения, Московская Хельсинкская группа выпустила доклад с итогами годичного мониторинга «Оценка влияния Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в части, касающейся прав человека в СССР».

1982. 1 июля

Ленинградский городской суд приговорил художницу, редактора самиздатского журнала «Мария» **Наталью ЛАЗАРЕВУ** к 4 годам лишения свободы и 2 годам ссылки. Срок отбывала в мордовских политических лагерях.

* * *

Министерство связи СССР объявило о резком сокращении каналов автоматической телефонной связи с западными странами. Эта акция была воспринята правозащитниками как попытка затруднить независимые контакты граждан СССР с свободным миром.

1987. 23–30 июля

Демонстрации и сидячие забастовки представителей крымско-татарского народа (несколько сотен человек) в центре Москвы с требованием скорейшего возвращения на родину. Впервые милиция не разгоняла демонстрантов. Новацией стало и объявление о фактах демонстраций и требованиях крымских татар в советских СМИ. В сообщении ТАСС объявлялось о создании правительственной комиссии во главе с Председателем ПВС СССР А.А.Громыко, наряду с этим были повторены сталинские обвинения народу в «массовой измене». 27 июля состоялась встреча Громыко с представителями крымских татар, он посоветовал им «не взвинчивать обстановку».

1992. 7 июля

Первое заседание Конституционного суда РФ по так называемому делу КПСС. Одновременно слушались два иска представителей депутатской фракции «Коммунисты России» о признании Указов Ельцина о запрете КПСС и конфискации ее имущества не соответствующими Конституции страны и встречный иск сторонников Ельцина – о признании неконституционной всей деятельности КПСС за период ее пребывания у власти, т.е. с ноября 1917 по август 1991 г. Состоялось 52 заседания, были заслушаны десятки свидетелей – бывших высших руководителей СССР и КПСС и бывших политзаключенных и диссидентов (В.К.Буковский, Р.А.Медведев, Л.Э.Разгон, Г.П.Якунин). Суд получил 110 экспертных заключений (одно из них было составлено при участии экспертов «Мемориала» Н.Охотина, Н.Петрова, А.Рогинского). Из архивов КПСС были извлечены десятки томов ранее совершенно секретных документов, характеризующих деятельность партии с октябрьского переворота до путча ГКЧП. В заседаниях участвовали ученые-историки из общества «Мемориал». Постановление суда было оглашено 30 ноября 1992 г.

16 июля

Постановление Верховного Совета РФ о реабилитации казачества.

Фотографии предоставлены НИПЦ «Мемориал» (Москва)

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», Историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Московский Мемориал», Московское объединение лиц, пострадавших от политических репрессий

Газета издается при поддержке Комитета общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12
Тел: (095)299-6478
Факс: (095)973-2094
E-mail: gazeta@memo.ru

Номер готовили:
Б.И.Беленкин, Н.С.Васильева, В.О.Дунаева, Д.И.Зубарев, Г.В.Кузовкин, Я.З.Рачинский, О.С.Шубин
Главный редактор Г.С.Шведов

Выпускающий редактор Т.А.Крутицкая
Литературный редактор В.М.Герлин
Ответственный секретарь А.И.Егоров
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик Л.С.Бахурина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. Газета выходит раз в месяц. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна
Июнь 2002. Отпечатано в ООО «Техфинсервис».
129041, Москва, ул. Пантелеевская, д. 14, стр. 1. Тираж – 2 500 экз.